

15. Austin J. L. How to do things with words / John L. Austin. – Cambridge/Mass.: Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
16. Bratman M. E. What is Intention? / Michael E. Bratman // Intentions in Communication. – Cambridge, Mass., L.: MIT, 1990. – P. 388–400.
17. Humboldt W. v. Über den Dualis / Gelesen in der Akademie der Wissenschaften am 26. April 1827 / Wilhelm von Humboldt // ders. Schriften zur Sprachphilosophie. – Darmstadt: Fink, 1963. – S. 113–143.
18. Lapp E. Linguistik der Ironie / Edgar Lapp. – Tübingen: Narr, 1992. – 189 S.
19. Lerchner G. Literarischer Text und kommunikatives Handeln / Gotthard Lerchner. – B.: Akademie, 1987. – 87 S.
20. Merilai A. Pragmapoetics as literary philosophy / Arne Merilai // Interlitteraria. – 2007. – No. 12. – P. 379-392.
21. Polenz P. v. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / Peter von Polenz. – B., N.Y.: de Gruyter, 1988. – 389 S.
22. Schmitt H. Zur Illokutionsanalyse monologischer Texte. Ein Konzept mit Beispielen aus dem Deutschen und Englischen / Holger Schmitt. – Fr./M.: Lang, 2000. – 302 S.
23. Stierle K. Text als Handlung: Grundlegung einer systematischen Literaturwissenschaft / Karlheinz Stierle. – München: Fink, 2012. – 360 S.
24. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / Reuven Tsur. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.

УДК 811.111: 81.42 + 801. 631. 5

Лариса Белехова
(Херсон)

**АЛГОРИТМ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО
ПРОЧТЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ)**

У статті виявлено когнітивні процеси й операції, які забезпечують прототипне або непрототипне прочитання поетичного тексту. Перше визначається як центральне прочитання поетичного тексту, що розкриває його зміст та основний смисл, які стають типовими для тлумачень більшості інтерпретаторів. Непрототипне прочитання веде до різних інтерпретацій поетичного тексту: або до його інтерпретації, за якої схоплюються певні маргінальні приховані смисли, або до недо-інтерпретації, яка ігнорує деякі відтінки значення словесного поетичного образу, наявного в образному просторі поетичного тексту.

Ключові слова: поетичний текст, прототипне й непрототипне прочитання, когнітивні процеси й операції, інтерпретація, недо-інтерпретація, словесний поетичний образ, образний простір.

This article aims to elicit cognitive processes and operations which underpin prototypical and non-prototypical readings of a poetic text. Prototypical reading is the central reading of a poetic text, the one which provides an access to the content and message of the text, as seen by most interpreters. A non-prototypical reading of a poetic text results in its multiple interpretations, leading either to an interpretation, which captures some marginal hidden senses of the text, or to an under-interpretation that ignores the subtle nuances of semantics, inherent in a verbal poetic image integrated into the imagery space of a poetic text.

Key words: poetic text, prototypical and non-prototypical reading, cognitive processes and operations, interpretation, under-interpretation, verbal poetic image, imagery space.

Теоретико-методологической основой предлагаемой статьи, в фокусе которой проблематика восприятия и понимания поэтического текста, явились положения когнитивной поэтики относительно толкования поэтического текста как произведения

словесного искусства и продукта индивидуального творческого сознания [27, с. 253], а его интерпретация понимается как продукт другого познающего разума в контексте тех физических и социокультурных миров, где он создается и читается [там же; 4, с. 764]. Теоретико-методологическую базу статьи также составляют постулаты теории схем и тестовых миров Е. Семино [34], теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [31], концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье [21, 22, 24, 25], служащие не только раскрытию лингвокогнитивных механизмов формирования и функционирования словесных поэтических образов в поэтических текстах, но и объяснению того, как постигается улавливание скрытых смыслов, темных, неясных мест семантики текста (*dark matters of semantics*) [23].

Выбор образного пространства поэтического текста в качестве **объекта** анализа, а когнитивных операций, обеспечивающих его непрототипическое прочтение текста, в качестве **предмета** изучения обусловлен главным образом тем, что эмотивно-эстетическая функция поэтической речи реализуется именно посредством образной системы. Поэтический текст отражает специфику художественного мышления, конститутивным признаком которого является образность.

Актуальность исследования состоит в общей направленности современной поэтики на рассмотрение семантики художественного текста в плоскости ментальных процессов, что помогает уточнить характер взаимодействия между языком и мышлением, раскрыть механизмы авторской креативности, выяснить, как образ объективирует в словесных формах знание о мире и языке и воздействует на читателя. Выявление когнитивных операций, участвующих в процессе прототипического или непрототипического прочтения поэтического текста, способствует разъяснению когнитивной деятельности читателя (интерпретатора), ведущей к успешной художественной коммуникации.

Вслед за М. Фримен, под прототипическим прочтением поэтического текста понимаем центральное, разделяемое большинством интерпретаторов, когнитивное прочтение, обеспечивающее адекватную интерпретацию и извлечение основного смысла текста [26, с. 105]. Непрототипическое прочтение толкуется нами как такое, которое может привести, в терминах У. Эко [20, с. 23], к недоинтерпретации (*underinterpretation*), т.е. потере или искажению информации, или же к более глубокой интерпретации, способствующей выявлению тех тончайших нюансов значения номинативных единиц, скрытого смысла, передаваемого образностью текста и постигаемого благодаря определенным когнитивным операциям и процедурам, задействованным в процессе чтения, которые в значительной мере не заложены в тексте изначально, а привносятся читателем благодаря его поэтической компетенции.

Предпосылкой выбора проблематики исследования стала дискуссия, развернувшаяся на конференции "Cognition and Literary Interpretation in Practice" (Хельсинки, 27-28 августа 2004 г.) по поводу места и роли курса "Интерпретация текста" в учебной программе университетов. Обеспокоенные спадом интереса к изучению литературы, вызванным влиянием интернет-коммуникации, ростом публикаций так называемых сокращенных версий художественных произведений (*digest literature*), лингвисты высказывали различные мнения относительно усовершенствования методов обучения чтению художественной литературы, способствующих, в терминах Р. Барта, получению удовольствия и наслаждения от чтения [2, с. 470].

Цель данного исследования – выявление когнитивных и лингвокогнитивных операций, обеспечивающих прототипическое, но углубленное, неординарное прочтение поэтического текста в отличие от его непрототипического прочтения поэтического текста. Осуществление этой цели предполагает систематизацию научных взглядов по проблеме когнитивного прочтения художественного текста и разработку методики когнитивной интерпретации поэтического текста, своего рода алгоритма (система приемов и действий), позволяющего объяснить, каким образом достигается эмотивно-эстетическое воздействие на читателя, как эмоция и когниция взаимодействуют при формировании

чувства сопереживания при чтении поэтического текста.

По мнению Дэвида Мьяля, прочтение текста, ведущее к его адекватному толкованию, требует соблюдения трёх принципов, которые он называет принципами трёх "э": *evolution* – эволюции (под которой понимается знание эпохи, контекста, особенностей литературно-стилевых направлений и биографических данных автора произведения, повлиявших на выбор его тематики, стиля и жанра), *empiricism* – эмпирицизма, т.е. ощущения, прочувствования и обработки переживания (*experiencing*) текста, достигаемого путем стилистического декодирования, и, наконец, *emotion* – эмотивности, выявляемой через анализ экспрессивных языковых и стилистических средств [33, с. 133, 134]. Переосмысливая и развивая концепцию чтения Д. Мьяля, в контексте данной статьи предлагаем следующий алгоритм непротипического прочтения поэтического текста, который включает различные когнитивные процессы, операции и процедуры, обеспечивающие экспликацию авторской интенции, содержания, тончайших нюансов смысла текста, и поясняющие то, как возникает эмоционально-эстетическое чувство от прочитанного. Иными словами, в задачу статьи входит объяснение того, почему можно, перефразируя А.С. Пушкина, над вымыслом обливаться слезами, каким образом достигается интеллектуальное наслаждение и эстетическое удовольствие в результате когнитивной обработки поэтического текста.

В современной когнитивной науке общепризнанным является тот факт, что человек сознательно использует лишь небольшую часть ресурсов мозга, в то время как основная его часть связана с бессознательным, в котором присутствует и то, что К. Юнг называл "коллективным бессознательным". Таковое является не бездеятельным состоянием, а праформой сознания, способной воздействовать на внутренний мир человека [17, с. 102]. Это родовая память человечества, итог жизни рода, она присуща всем людям и служит основой индивидуальной психики и её культурного своеобразия, проявляющегося в архетипических образах [16, с. 122; 17, с. 148]. Креативность автора, равно как и эвристическая деятельность читателя во многом зиждется на воображении и интуиции, автоматических, бессознательных операциях поэтического мышления, в большей степени опирающихся на иррациональное, чем на рациональное начала.

Учитывая вышеизложенное и понимая чтение поэтического текста как речемыслительную деятельность по извлечению содержательно-фактуальной, концептуальной и подтекстовой (имплицитной) информации [5, с. 41-50], мы представляем алгоритм его прочтения как систему взаимосвязанных когнитивных операций и процедур, применяемых читателем/интерпретатором сознательно и бессознательно (автоматически), благодаря поэтической и лингвистической компетенции. Согласно трем видам информации, воплощаемых в поэтических текстах, выделяем три основных когнитивных процесса: симуляцию, инференцию (декодирование) и эмпатизацию, которые сопровождаются различными когнитивными операциями и процедурами.

Симуляция рассматривается как когнитивное основание пред-категориальной деятельности, имитация ментального образа в сознании читателя, возникающая во время архетипного анализа семантики поэтического текста и сопровождаемая когнитивными операциями активации и активизации структур знаний об архетипических символах, мотивах и сюжетах путем привлечения фоновых и энциклопедических знаний, почерпнутых в результате тезаурусного анализа справочной литературы по архетипам.

Эмпатизация как процесс, способствующий возникновению наслаждения от текста, реализуется благодаря когнитивным операциям ассоциации и бисоциации, при помощи которых происходит активация стереотипных ментальных схем читателя [10, с. 19].

Когнитивный процесс **инференции**, направленный на получение выводного знания путем раскрытия содержания и извлечения смысла поэтического текста, предполагает когнитивную интерпретацию его образного пространства посредством раскрытия лингвокогнитивных механизмов создания разных типов словесно-поэтических образов и выяснения характера **картирования** структур знания из области источника (*source domain*) на область цели (*target domain*). Вслед за М. Фримен, различающей виды системного

аналогового концептуального картирования (атрибутивное и релятивное) [27, с. 253], мы дополнительно выделяем такой его вид, как ситуативное, а также контрастивное и нарративное, и, кроме того, вводим понятие конструктивно-творческого картирования, осуществляемого на разных уровнях текста и понимаемое как проецирование потенциальных свойств языковых единиц на словесную ткань образов в поэтическом тексте.

В своём исследовании мы исходим из того, что эволюция словесного поэтического образа вообще и в американской поэзии в частности, специфика его вербального оформления в современный период тесно связана с изменениями типов художественного сознания и развитием видов поэтического мышления – от синкретического мифопоэтического мышления в архаическую эпоху его становления к аналоговому и ассоциативному в канонический период развития и далее к парадоксальному, параболическому и эссеистическому поэтическому мышлению на индивидуально-творческом этапе поэтического творчества [1, с. 3-6; 14, с. 378; 3, с. 23-25].

Каждый вид картирования воплощает тот или иной вид поэтического мышления [3, с. 153-159]. Так, в основе *аналогового* (атрибутивного, релятивного и ситуативного) картирования лежит аналоговое поэтическое мышление, позволяющее проецировать признаки, отношения и события одной области образа на другую: "*The shoots green as paint and leaves like tongue*" (NA, Logan: 546). *Субститутивное* картирование понимается как замещение целого частью, одной структуры знания иной в ходе реализации ассоциативного поэтического мышления: "*There'll be many a dry eye at his funeral*" (Sandburg CP: 346). Парадоксальное поэтическое мышление служит основой *контрастивного* картирования [29; 3, с. 188-190], вследствие чего одна область знания сталкивается или перекрещивается с другой: "*My father moved through griefs of joy*" (OB, cummings: 938). *Нарративное* картирование рассматривается как проецирование сюжета или мотива художественного произведения, исторического или обыденного события жизни на содержание поэтического образа путем их переосмысления в ходе параболического или эссеистического поэтического мышления [9, с. 77; 36, с. 253-289]: "*She stared at him in a "Et-tu-Brutus" look*" (PA, Snyder: 134). Человеческое мышление прибегает к нарративному воображению – иносказанию постоянно, но незаметно, поскольку сам повседневный жизненный опыт организован в виде нарративного потока. Даже абстрактные понятия человек осознает иносказательно, моделируя их в тропеических терминах: *время не ждет, любовь зла, надежда умирает последней* и т. д. [9, с. 35]. Нарративное картирование возможно благодаря присущему человеку особому типу мышления – параболическому, состоящего в умении категоризировать окружающий мир с помощью упаковывания своего опыта в сценарии или истории. Параболическое мышление лежит в основе создания параболических словесных образов, основным механизмом формирования которых является нарративное картирование – проецирование известных мотивов, сюжетов путем прямого цитирования известных выражений или же использования говорящих имен и перефразирования [3, с. 82-84].

И, наконец, конструктивно-творческое картирование трактуется как обыгрывание потенциальных синтагматических и парадигматических свойств языковых единиц путем их проецирования на семантико-синтаксическую структуру словесного поэтического образа [подробнее см.: 3, с. 178-207]: "*My father moved through theys of we*" (OB, cummings: 939).

В поэтическом тексте формируется особый вид знания, в нем важна не столько фактологическая информация, сколько субъективное видение фрагментов картины мира [8, с. 52]. В ходе чтения текста у читателя активизируются разные по степени сложности схемы знания, активируемые семантикой текста. Под схемой знания как одной из форм функционирования образа мира у индивида понимается динамическое ментальное образование той или иной степени обобщения, формирующееся на перцептивно-когнитивно-аффективной базе [6, с. 441], конкретизируемое в зависимости от описываемой текстовой ситуации и способное трансформироваться под воздействием новых, кенотипных образов, осуществляющих концептуальный прорыв в сознании читателя [3, с. 359].

Успешная художественная коммуникация обеспечивается за счет сходства в

конфигурации различных схем знаний и когнитивным операциям их интерпретации, так как механизмы создания текста похожи с механизмами его декодирования.

Опираясь на теорию схем Е. Семино, схему закрепления знания (reinforcement schema) понимаем как когнитивную структуру, содержащую концептуальные метафоры, входящие в "Большую цепь бытия", определяемую Дж. Лакоффом и М. Тернером как код культуры человечества [32, с. 221-223]. Схема обновления знания (refreshment schema) возникает при условии, если в поэтическом тексте базовые концептуальные схемы подвергаются *расширению, конкретизации, переосмыслению, спецификации и модификации* [21, с. 34-39; 24, с. 270; 25, с. 143; 32, с. 67-72, 97-100]. Кроме того, выделяем еще одну схему знания – *схему озарения* – как результат формирования нового понимания, видения предмета, явления или события, описываемого в тексте при помощи новых образов, кенотипов. Такие словесные образы созданы путем модификации или даже разрушения привычных концептуальных схем, лежащих в их основе.

Исходной гипотезой данного исследования служит предположение о том, что к прототипическому прочтению тяготеют поэтические тексты, в образном пространстве которых превалируют архетипные и стереотипные образы, содержащие опредмеченные устойчивые знания о фрагментах картины мира, разделяемые предполагаемым читателем, и поэтому содержание и смысл таких текстов легко поддается декодированию. Напротив, тексты, в которых есть кенотипные или же большое количество идиотипных словесных поэтических образов, содержащих специфические лексико-грамматические конструкции, имена собственные и неологизмы, требуют непрототипического прочтения.

Если схемы знания о тех или иных предметах и явлениях картины мира, представленной в тексте, совпадают со схемами, укорененными в сознании читателя, схватывание основного содержания и смысла поэтического текста не требует дополнительных когнитивных усилий читателя. Так, например, описанное в поэтическом тексте К. Сэндберга представление о счастье, оправдывает читательские ожидания:

HAPPINESS

*I asked professors who teach the meaning of life to tell me what is happiness
And I went to famous executives who boss the work of thousands of men.
They all shook their heads and gave me a smile as though I was trying to fool them.
And then on Sunday afternoon I wandered out along the Displaines river
And I saw a crowd of Hungarians under the trees with their women and
children and a keg of beer and an accordion.*

(Sanburg CP: 10)

Прототипическое прочтение достигается уже в первом чтении благодаря совпадению схем знания, опредмеченных в тексте и тех, которые укоренены в сознании читателя в результате жизненного опыта, формирующего его фоновые знания. Стереотипная схема знания о том, что семья, дети, совместное препровождение досуга ассоциируется со счастьем, способствует *инференции* основного смысла приведенного стихотворения.

Для сравнения выявим когнитивные операции, участвующие в процессе чтения поэтического текста Р. Фроста, относящегося к символической поэзии:

DUST OF SNOW

*The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree*

*Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of a day I had rued.*

(Frost CP: 34)

Даже беглое прочтение этого текста вызывает эмоциональный отклик и эстетическое удовлетворение благодаря позитивной тональности, создаваемой на фонетическом уровне ритмико-синтаксической организацией стиха: наличием рифмы, ритма, эксплицитно выраженных причинно-следственных отношений в высказывании, представленном сложным предложением, охватывающим весь поэтический текст (причиной изменения настроения явилось то, *как* посыпался снег, сброшенный вороной), а также за счет легко узнаваемых глобальных (универсальных) символов и ярко выраженному контрасту в его композиционно-смысловой структуре.

Анализ 570 интерпретаций этого поэтического текста, размещенных на интернет-сайте, свидетельствует о том, что большинство из них (512) – результат прототипического прочтения, в котором прослеживается общее для всех определение позитивной тональности и основного смысла текста, вычлененного путем реконструкции концептуальной метафоры: ПРИРОДА – ЛЕКАРЬ [28, el. ref.: R. Frost]. Выявление этой метафоры осуществлено благодаря анализу глобальных образов-символов *snow* – снег и *a crow* – ворона. Концептуальная структура этих образов содержит концептуальные импликации: *очищение* и *предвестие печального события* соответственно. Поскольку в поэтическом тексте словесные образы-символы употребляются не изолированно, а в сочетании с другими образами, их значение конструируется исходя из контекстного окружения. На наш взгляд, именно номинативная единица *The way*, стоящая в сильной позиции текста и вводящая словесный образ вороны (символ предвестия беды), стряхивающей снег с хвойного дерева, способствует *симуляции* образа снежной завесы, занавеса от неприятностей, которые ожидает лирический герой от уже испорченного им дня *a day I had rued*. Именно благодаря этому образу негативные коннотации, содержащиеся в семантической структуре лексем *dust*, *crow*, *hemlock*, *rue* и служащие сигналами активации содержания архетипа Смерть, нейтрализуются.

Остальные 58 различных интерпретаций фростовского текста – результат непрототипического прочтения, расцениваемого нами либо как недо-интерпретации (9), не соответствующие его содержанию, либо как над-интерпретации (49), ведущие к многообразию толкований.

Так, в авторско-центрированных (author-centered) интерпретациях, опирающихся только на анализ экстралингвистических факторов, в частности на знание биографических подробностей Р. Фроста, факта о том, что он исповедовал трансцендентальные взгляды, унаследованные им от Р. Эмерсона [el. ref.: R. Frost], стихотворение истолковывается как размышление о самоубийстве (поскольку день уже разрушен) и новом видении себя в другой жизни, об очищении от грехов. Такую интерпретацию мы квалифицируем как недо-интерпретацию, игнорирующую анализ семантики текста и вписанных в них стратегий и тактик интерпретации.

Разделяя мнение О.П. Воробьевой о вписанности, встроенности стратегий интерпретации в художественном тексте [37, с. 165], мы считаем, что непрототипическое прочтение текста, ориентированное на извлечение скрытых смыслов, требует дополнительных когнитивных операций по обработке его образного пространства, реализующих стратегии освоения образного и инференции содержания и смысла семантического пространства текста.

Непрототипическое прочтение текста предполагает не одноразовое чтение текста, а движение по так называемому герменевтическому кругу, направляющего движение мысли читателя от догадки относительно того, в чем состоит общий смысл текста, к анализу частностей. Такое движение подтверждает или опровергает первоначальную догадку, наращивает новые частные смыслы. Последующее возвращение к целому уточняет интерпретацию и проливает свет на частности.

Первым шагом на пути освоения образного пространства текста целесообразным считаем применение стратегии *идентификации архетипов*, лежащих в основе предконцептуальной ипостаси формирования образов. Такая стратегия реализуется через

операции по выявлению концептуальных импликаций, активируемых сигналами архетипических образов, и операции *инференции* передаваемого ими смысла.

Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, предконцептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы, неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [16, с. 64, 90-98]. Аксиомой современной науки является признание единства и взаимодействия эмоции и когниции [19, с. 180]. Познание сопровождается эмоциями, в свою очередь, эмоции мотивируют познание [12, с. 672]. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В. И. Шаховскому, "внутренний эмоциональный лексикон", который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании [11, с. 132]. В контексте нашей работы внутренний эмоциональный лексикон учитывается при описании компонентов предконцептуальной структуры словесного образа в виде схемных образов архетипов как форматов представления знаний о них.

Следует различать понятия "архетип" и "архетипический словесный образ". Архетип, вернее, отдельные его концептуальные импликации, служат основой любого словесного образа, это его внутренняя форма по А.А.Потебне. Архетипические словесные образы отображают фрагменты мифопоэтической картины мира. Они классифицируются нами на образы-сюжеты и образы-символы, в корых путем нарративного картирования воплощаются мифологические, библейские и фольклорные знания о мире.

Архетипические словесные поэтические образы-сюжеты выполняют *познавательно-творческую* функцию, поскольку, отображая известные, архаические сюжеты и мотивы, активизируют фоновые, культурно-энциклопедические знания читателей и тем самым доставляют удовольствие от текста.

Архетипические образы-символы характеризуются *суггестивной* функцией, создавая эмоциональное напряжение, ведущее к замедлению обработки информации. Например, для осмысления словесного образа "*Life is a bowl of cherries*" (Sandburg CP: 660) – "*Жизнь – это чаша с вишнями*" – необходимо знание содержания символов в англосаксонской и скандинавской традициях, где *вишня*, также как и *яблоко*, символизируют *плоды познания добра и зла, дары* [39, с. 43]. Незнание символов приводит к неоднозначным интерпретациям. Как правило, тексты, в которых есть архетипические образы, воплощающие общеизвестные сюжеты и глобальные символы, способствуют прототипическому прочтению. В то время как тексты, содержащие этнокультурные словесные образы, требуют непрототипического прочтения. Степень экспликации смысла таких образов зависит от фоновых и энциклопедических знаний читателя.

*Апогеем поэтического творчества является не только новое освещение старых истин, но и создание такого словесного поэтического образа, который не имеет аналогов, приводит к нарушению и даже разрушению устоявшихся взглядов на привычные явления и события жизни, что вызывает внезапное озарение в понимании сути вещей. Такой словесный поэтический образ мы называем кенотипом. Он осуществляет "концептуальный прорыв" в понятийной системе человека. Спецификой формирования нового образа является создание не просто новой информации, а интересной, связанной с когнитивной гармонией, суть которой заключается в том, чтобы в новом, неизвестном, читатель способен отыскать знакомое, привычное, приятное, понятное [9, с. 152]. Однообразие убивает эмоции. Чувства нового, острого является необходимым для возникновения эмоций "гностицизма" [там же]. Именно они обеспечивают когнитивную гармонию при интерпретации поэтического текста, удовлетворение от которой включает эвристический механизм обработки знания – **схему озарения**. Следовательно, условием формирования кенотипного словесного поэтического образа является ориентация на интерес, заинтересованность. Новое, акт удивления возникает тогда, когда есть конфликт с устоявшимися понятиями. Такой конфликт, или бисоциация как когнитивная операция*

связывания двух несовместимых понятий или явлений ощущается при прочтении текста, в котором прослеживается разрушение привычных схем знания. Например, стихотворение Р. Блая "Elaborating Malevich" – "Развивая Малевича" содержит только один словесный поэтический образ-метаболу: "Black Square pours Black Light on me / sending Knowledge like Revelation: / Non-Epicurian ataraxy" (ВАР, Бл: 12). Оксюморон Black Light разрушает базовую концептуальную метафору СВЕТ – ЗНАНИЕ. Отправной точкой интерпретации приведенного словесного поэтического образа, ориентиром осмысления его содержания является заглавие стихотворения, которое "размыкает замкнутые горизонты мысли" читателя [7, с. 53], сигнализируя о необходимости активизации фоновых, энциклопедических знаний. Содержание поэтических строк: "смысл бытия постигается через осознание гармонии Вселенной, осмысление понятий бесконечности и абсолюта космического Ума, понимание законов единства и противоположности", – выводится путем параболического осмысления картины супрематиста К. Малевича и проекции знаний, почерпнутых в искусствоведении, о нарисованном черном квадрате на поэтический текст. Черный квадрат, символизирующий Космос, абсолютное знание, персонифицируется в тексте в виде поэтической метафоры: черный квадрат льет черный свет, посылая знание как откровение.

Вторым ориентиром интерпретации выступает аллюзивное словосочетание *Non-Epicurian ataraxy*, содержащее свернутое знания о философии жизни античного мыслителя Эпикура. Атараксия – понятие древнегреческой этики о душевном покое как цели и манере поведения, к которым должен стремиться человек. Как высший идеал жизни атараксия связывается с внутренней свободой личности, освобождением от страданий [38, с. 12]. По мнению Эпикура, мудрость, как высшее благо, заключается в исследовании причин страданий, самым сильным из которых является страх перед смертью и особенно перед тем, что ожидает человека в загробной жизни, потому, признав смертность души и этим преодолев страх смерти, человек достигает внутренней свободы и душевного покоя [13 с. 356-358]. В своем словесном поэтическом образе Р. Блай сталкивает эпикуровское понимание смысла жизни с его осмыслением в постмодернистскую эпоху. Концептуальный оксюморон – АТАРАКСИЯ противоречит КОСМОСУ БЫТИЯ – лежит в основе образа-метаболы. Энигматичность образа снимается раскрытием механизма нарративного картирования знаний, опредмеченных в его словесной ткани. Знание о том, что черный квадрат К. Малевича является космосом, космическим умом, актуализируется в оксюморе *Black Light* – Черный Свет. На наш взгляд, непрототипическое прочтение подобных поэтических текстов, требующих привлечения различных когнитивных операций, приносит интеллектуальное наслаждение и способствует возникновению эмоционального отклика читателя.

Подводя итоги, следует отметить, что различные типы словесных поэтических образов, подчиненные общей эстетической функции в поэтическом тексте, выполняют свои специфические функции, обеспечивая тем самым целостность и связность поэтического текста. Определение этих функций и механизмов формирования словесных поэтических образов американской поэзии способствует адекватной интерпретации поэтического текста, пониманию движения поэтической мысли и способов её воплощения в ткань поэтических произведений, характера взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов в становлении и развитии словесных поэтических образов.

Алгоритм прочтения поэтического текста включает когнитивные процессы симуляции, декодирования и эмпатизации, которые осуществляются через когнитивные операции активации знаний об архетипах, экспликации способов их активизации и актуализации в тексте, выявления видов картирования как механизмов создания образности, инференции имплицитных смыслов, операций ассоциации и бисоциации, объясняющих причины возникновения эмоционального резонанса.

Когнитивным основанием идентификации эмоционально-эстетической оценки признается способность читателя к подсознательной ментальной симуляции, то есть

имитации образов, состояний, чувств соответствующих тем, которые отображены в поэтическом тексте. Такая симуляция является результатом действия когнитивных процедур согласования, столкновения и пересечения стереотипных читательских и актуализированных текстовых схем знания. В результате действия этих процедур происходит активация когнитивного механизма эмпатии, который рассматривается нами как способность человека узнавать эмоциональные состояния благодаря априорным и фоновым эмоциогенным знаниям и сочувствовать им. Эмпатия является необходимым условием сотворчества автора и читателя.

Стереотипные и архетипные словесные поэтические образы служат своего рода "якорями" (anchors) освоения образного пространства, поскольку они удерживают читателя в русле прототипического прочтения текста. Что касается новообразов, то они обеспечивают открытость поэтического текста, предоставляя читателю свободу интерпретации.

Перспективу дальнейших исследований видим в разработке стратегий интерпретации текстов различных жанров и форматов, а также обнаружении характера ограничений на свободу интерпретации и на применение тех или иных когнитивных операций, ведущих к искажению смысла текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Категории поэтики в смене литературных эпох / Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 3 – 38.
2. Барт Р. Семиотика. Поэтика: Избранные работы 1985-1980 / Р. Барт ; пер. с фр.: [ред. Г.К. Косиков]. – М.: Изд. группа "Прогресс", "Университет", 1994 – 667 с.
3. Белехова Л.І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії): монографія / Белехова Л. І. – Херсон: Айлант, 2002. – 368 с.
4. Воробьёва О.П. Вирджиния Вулф и поэтика инсайта / О. П. Воробьёва // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 764–776.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Гальперин И.Р. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
6. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / Залевская А. А. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
7. Мамардашвили М.К. Стрела познания / Мамардашвили М.К. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 396 с.
8. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: монография / Маслова Ж.Н. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – 280 с.
9. Молчанова Г.Г. Английский язык как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация: учебное пособие / Молчанова Г.Г. – М.: ОЛМА Медия Групп, 2007. – 384 с.
10. Мороз О.Л. Лінгвокогнітивні та лінгвостилістичні засоби реалізації тональності поетичного тексту: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / О. Л. Мороз. – Херсон, 2012. – 20 с.
11. Шаховский В.И. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания // К юбилею ученого: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – С. 130–135.
12. Шаховский В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 671–683.
13. Эпикур. Из письма к Менеккею / Эпикур // Антология мировой философии. – М., 1969. – С. 354–359.
14. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии в XIX – XX в. / Эпштейн М. Н. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.
15. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе: Учеб. пособие для вузов / М. Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.
16. Юнг К.–Г. Душа и миф: Шесть архетипов: Пер. с англ. / Юнг К.–Г. ; пер. с англ. – К.: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. – 324 с.

17. Юнг К.–Г. Сознание и бессознательное / Юнг К.–Г. ; пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.
18. Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion / Campbell J. – N. Y., Toronto: Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.
19. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field / F. Daneš // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists: [ed. by W. Barner, J. Schmidt, D. Viehweger]. – Berlin, 1987. – P. 168–179.
20. Eco U. Interpretation and Overinterpretation / Eco U. – Cambridge, N.Y., Sydney: Cambridge University Press, 1992. – 152 p.
21. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / Fauconnier G. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
22. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / Fauconnier G. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
23. Fauconnier G. The dark matters of semantics / G. Fauconnier // 4-th Cognitive Linguistics Conference (London, King's College, 10-12th July, 2012): Book of Abstracts. – London, 2012. – P. 1.
24. Fauconnier G. Principles of conceptual integration / G. Fauconnier, M. Turner // Discourse and Cognition: Bridging the Gap: [ed. by J. R. Koenig]. – Stanford, 1998. – P. 269–283.
25. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.
26. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // The Cognitive Theory of Literature: State of the Art and Application to English Studies. – ESSE 4, Debrecen, Hungary, 1997. – P. 103-123.
27. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective: [ed. by Antonia Barcelona]. – Berlin, N.Y., 2000. – P. 253–283.
28. Frost R. Dust of Snow. el. ref. режим доступа: <http://www.poemofquotes.com/R.Frost.Dust.of.Snow.php.analysis>. 2012.
29. Gibbs R. W., Jr. Process and products in making sense of tropes/ Gibbs R. W. // Metaphor and Thought: [ed. by A. Ortony]. – Cambridge, 1993. – P. 252–276.
30. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling / Kövecses Z. – Cambridge: Maison des Science de L'Homme and Cambridge University Press, 2000. – 224 p.
31. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.
32. Lakoff G. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
33. Miall D.S. Beyond Interpretation: The Cognitive Significance of Reading / D.S. Miall // Journal of Literary Semantics: An International Review. Journal of Literary Semantics: An International Review. – 2006. – Vol. 35-1. – P. 129–155.
34. Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts. / Semino E. – L.; N.Y.: Longman, 1997. – 274 p.
35. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / Tsur R. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.
36. Turner M. The Literary Mind: The Origin of Thought and Language / Turner M. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1998. – 187 p.
37. Vorobyova O.P. Linguistic Signals of Addressee-Orientedness in the Source and Target Literary Text: A Comparative Study // CLS 32: Papers from the Parasession on "Theory and Data in Linguistics" (April 11–13, 1996, University of Chicago). – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1996. – P. 165–175.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

38. Философский энциклопедический словарь / [ред. С.С. Аверинцев]. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
39. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Холл Дж.: пер. с англ. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 656 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BAP – The Best American Poetry 1995 / [ed. by R. Howard]. – N.Y.; L.; Toronto, etc.: A Touchstone Book, Publ. by Simon & Shuster, 1996. – 303 p.
2. Frost CP – Frost R. Complete Poems of Robert Frost. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1962. – 666 p.
3. MV – The Pocket Book: Modern Verse / [ed. by O. Williams]. – N.Y.: Washington Square Press, Inc., 1958. – 635 p.
4. NA – The Norton Anthology of American Literature: Third Edition – N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 1989. – 2856 p.
5. OB – The Oxford Book of American Verse – N. Y.: Oxford University Press, 1950. – 1132 p.
6. PA – The Postmoderns: The New American Poetry Revised / [ed. by D. Allen and G. F. Butterick]. – N.Y.: Grove Weidenfeld, 1982. – 436 p.
7. Sandburg CP – Sandburg C. The Complete Poems / Sandburg C. – San-Diego; N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1970. – 797 p.

УДК 811.111'42

Євгенія Бондаренко
(Харків)**МЕТАМОРФОЗИ МЕТАФОРИ ЧАСУ
В БРИТАНСЬКІЙ ПОЕЗІЇ XVIII-XX СТОЛІТЬ**

У статті розглядається лінгвокогнітивний механізм об'єктивації метафори часу як складової його матричної моделі в британському поетичному дискурсі епохи романтизму та XX століття шляхом визначення типових базових трансформацій корелятивів референту ЧАС.

Ключові слова: когнітивна метафора, корелят, референт, матрична модель часу, трансформація метафори.

The article focuses on the issue of linguistic cognitive mechanism of the time metaphor as a part of time matrix model implement in British poetic discourse of Romanticism and that of the 20th century by way of singling out basic transformations of typical correlates of the TIME referent.

Key words: cognitive metaphor, correlate, metaphor transformation, referent, time matrix model.

Сучасні дослідження поняття часу в лінгвокогнітивістиці передбачають серед багатьох інших підходів його аналіз як дуального, що моделюється в дискурсі у вигляді матриці доменів, складовою якої є когнітивна метафора.

Метою роботи є визначення еволюційних рис метафоричної кореляції концепту ЧАС у британському поетичному дискурсі різних епох, романтизму та XX ст.

Мета зумовлює вирішення таких завдань: описати місце метафори у матричній моделі часу, що втілюється в поетичному дискурсі; визначити найбільш розповсюджені метафоричні трансформації корелятивів когнітивної метафори часу в процесі еволюції моделі часу.

Актуальність роботи визначається важливою роллю часу як одного з невід'ємних чинників формування та функціонування когніції людини.

Матеріалом дослідження слугували мовні засоби вербалізації когнітивної метафори часу в ліричних віршованих творах британських поетів періоду романтизму (XVIII – XIX ст.): Р. Бернса, В. Блейка, В. Водсворта, П. Шеллі, Дж. Кітса та Дж. Байрона і об'єднаного в один пласт періоду XX ст.: Т. Харді, Т. Еліота, В. Йетса, Т. Хьюза та баг. ін.

Дуальність поняття часу полягає у присутності:: відсутності суб'єкта в образі об'єкта спостереження. Ця характеристика визначається тим, що суб'єкт здатний спостерігати час, з